

«Катынский вопрос» на Нюрнбергском процессе. Или еще раз об уроках истории

В.И.Илюхин

Доктор юридических наук, профессор

А.Ю.Плотников

Доктор исторических наук, профессор

Ключевые слова: Нюрнбергский процесс, военный трибунал, катынское дело, фальсификация, Вторая мировая война

Адрес для корреспонденции: ilukhin@duma.gov.ru

Право
безопасность

Актом национального унижения назвали многие россияне заявление Государственной Думы РФ, принятое в ноябре 2010 г., в котором бездоказательно признавалось, что так называемое «Катынское преступление» — расстрел в начале Второй мировой войны польских военнопленных под Смоленском в местечке Катынь «...было совершено по прямому указанию Сталина и других советских руководителей». Одновременно в нем отмечалось, что в официальной советской пропаганде ответственность за это злодеяние приписывалась фашистам. Но эта версия якобы долгие годы оставалась предметом подспудных, но не менее ожесточенных дискуссий в советском обществе, «неизменно порождая гнев, обиду и недоверие польского народа».

Это заявление в духе самобичевания состоялось в канун 65-летия работы Международного военного трибунала (Нюрнбергский процесс), признавшего виновными руководителей фашистской Германии и их пособников в совершении тягчайших преступлений против мира и человечества, в развязывании агрессивных войн и уничтожении более 50 млн жителей планеты, в том числе нескольких тысяч пленных поляков под Смоленском в местечке Катынь.

Решения трибунала до сих пор представляют исключительную ценность и в значительной мере позволяли удерживать мир от новой глобальной военной катастрофы.

Справедливое возмездие, суд истории состоялись. Однако прискорбно, что и сей-

час находятся силы, стремящиеся пересмотреть итоги Второй мировой войны, в том числе и через отрицание решений Нюрнбергского процесса. Они есть и в России, в стране, которая понесла самые тяжелые человеческие, моральные и экономические потери. Предпринимаются омерзительные попытки гуманизации фашистской оккупации и одновременно подвергаются клевете Красная Армия, руководство НКВД СССР, сам народ-победитель.

На этом фоне ноябрьское заявление Госдумы по Катынскому вопросу выглядит не объективным. И, конечно, бросаются в глаза трогательные слова заявления об обиде, гневе и недоверии поляков к нам. Его авторам следовало бы вспомнить, что Польша в начале XX столетия уничтожила в своих концлагерях до 80 тыс. красноармейцев, попавших ей в плен в ходе российско-польской войны 1919-1920 гг. Почему-то убийства, издевательства и жестокость поляков в отношении граждан России не нашли у «русской» Думы ни сочувствия, ни гнева, ни обиды, а тем более не вызвали осуждения. Что касается поляков, то они не собираются признавать этого факта и приносить извинения России.

Известно, в какой обстановке и как принимала Госдума это решение, могущее иметь для нас тяжелые долгосрочные последствия. Оно состоялось накануне официального визита Президента Д.А.Медведева в Польшу и должно было стать, как рассчитывали в Кремле, еще одним нашим жестом доброй

воли. Трудно уже вспомнить каким по счету, но и жестом очередного нашего «покаяния».

Однако Польша не отказалась от размещения на своей территории американской системы ПРО, не подписала с нами сколько-нибудь серьезных экономических, торговых соглашений, но отказалась выдать нам Закаева, который обвиняется в совершении тяжких преступлений в Чеченской Республике и за ее пределами. Вместе с этим она активно поддержала в Страсбургском суде иски своих сограждан к России по возмещению им ущерба от гибели пленников поляков под Катынью.

Зная повадки польского руководства, можно было бы предвидеть, что оно и на этот раз не оценит очередной «жест доброй воли», а наоборот — ужесточит антироссийскую риторику. Что, в частности, и подтвердили потом отрицания Варшавой результатов расследования катастрофы в апреле 2010 г. польского правительственного самолета под Смоленском, проведенного российскими специалистами.

Поражает та легкость, с которой единокороссовское большинство в Госдуме проголосовало в поддержку заявления. Ведь депутатам не представили ни одной информационной записки, хотя бы из Генеральной прокуратуры РФ о результатах расследования уголовного дела № 159 об обстоятельствах гибели польских военнопленных. Сделали это осознанно, ибо следствие не выносило решения о признании И.Сталина и его окружения виновными в гибели поляков. А коли не признало, тогда почему такие утверждения в заявлении Госдумы?

Основному докладчику, председателю Комитета по международным делам, «единокоросу» К.Косачеву только и осталось потрясать с трибуны мало кому известной книгой не названных им авторов, которые якобы и установили виновников катынской трагедии. При этом он, в отличие от своих единомышленников, не стал приводить в качестве доказательств «вины Сталина» документы из так называемой «особой секретной» папки Политбюро ЦК КПСС.

Не сослался по одной причине: достоверность этих документов оспорена, в том числе экспертами-криминалистами и графологами. Поэтому ему не оставалось ничего другого, как заявить, что эпизод обвинения, предъявленный советской стороной немцам о расстреле ими польских военнопленных под Катынью, якобы был отвергнут Международным военным трибуналом.

Конечно, не К.Косачев является автором подобного утверждения. Его выдвинули зарубежные фальсификаторы в годы «холодной войны», к которым впоследствии присоединились некоторые российские политики и историки. Достаточно назвать А.Яковлева, Д.Волгогонова, В.Фалина, Ю.Зорю, Н.Лебедеву и др., чтобы понять всю остроту и масштабность лжи.

Вот что, например, утверждают в экспертном заключении по этому вопросу, составленном в 1993 г. по постановлению Главной военной прокуратуры,

российские ученые — директор Института государства и права РАН академик Б.Н.Топорнин, заведующий сектором уголовного права и криминологии того же института, доктор юридических наук, профессор А.М.Яковлев, главный научный сотрудник Института сравнительной политологии РАН, доктор исторических наук, профессор И.С.Яжборовская, ведущий научный сотрудник Института славяноведения и балканистики РАН, доктор исторических наук Д.С.Парсаданова: «Предпринятая на Нюрнбергском процессе в 1946 году попытка советского обвинения в опоре на «сообщение специальной комиссии»* переложить вину за расстрел на Германию успеха не имела. Международный трибунал не признал выводы этого документа достаточно обоснованными, показания свидетелей — убедительными и не включил в приговор это преступление в вину немцам. Это решение советским обвинителем не оспаривалось, и протест не вносился, хотя в других случаях советский представитель протест вносил».

После таких выводов можно сказать, что так называемые эксперты, имеющие высокие ученые степени и звания, извратили представления о научном и объективном исследовании, послушно выполнили политический заказ бывшего президента Б.Ельцина, его окружения и пошли на сделку со своей совестью и своим профессиональным долгом. Чтобы не быть голословными, сошлемся на судебные материалы.

Из них следует, что международный трибунал не выносил отдельного решения о признании выводов комиссии Н.Н.Бурденко «недостаточно обоснованными». Нет об этом даже малейшего упоминания и в самом приговоре. Чего уж здесь тогда и спорить, вопрос-то очевиден. К тому же ст. 26 Устава трибунала гласит «...приговор является окончательным и не подлежит пересмотру».

Если даже гипотетически согласиться с тем, что трибунал исключил Катынский эпизод из обвинения, то об этом стало бы известно только после оглашения приговора. В этих условиях ни о каких протестах не может идти и речи. Тогда зачем наводить тень на плетень? Но это кому-то выгодно, в том числе людям из научной среды, получающим польские зарубежные гранты (деньги) и другие «знаки отличия». Выгодно тем, у кого антисоветизм доходит до готовности к разрушению Отечества.

Надо отметить, что главный обвинитель от СССР Р.Руденко, действительно, протестовал лишь против решения трибунала о проведении судебного расследования Катынского эпизода обвинения, но его протест был отклонен.

Однако и в этом надо разобраться без эмоций и предвзятости. Забегая вперед, отметим, что судеб-

*Советская комиссия Н.Н.Бурденко: ее полное название «Специальная комиссия по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу военнопленных польских офицеров».

ное следствие, публичное исследование трибуналом документов по Катыни только усилило весомость советского обвинения по данному эпизоду и никоим образом не вылилось в оправдание нацистских преступников.

Начнем с того, что полностью процитируем ст. 21 Устава Международного военного трибунала. В ней закреплено следующее: «Трибунал не будет требовать доказательств общеизвестных фактов и будет считать их доказанными. Трибунал также будет принимать без доказательств официальные правительственные документы и доклады Объединенных наций, включая акты и документы комитетов, созданных в различных союзных странах для расследования военных преступлений, протоколы и приговоры военных или других трибуналов каждой из Объединенных наций».

Как известно, таким «комитетом» в Советском Союзе была Государственная чрезвычайная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их пособников, созданная Указом Президиума Верховного Совета СССР уже 02.11.1942. Специальная комиссия Н.Н.Бурденко фактически была частью большой комиссии. Это уже могло стать причиной принятого решения трибунала о проведении расследования, как и позиция польского правительства в изгнании, находящегося в Англии и постыдно оспаривающего тогда советское обвинение.

14.02.1946 заместитель Главного обвинителя от СССР Ю.В.Покровский наряду с другими документами представил суду, а тот их принял, под номером СССР-54 официальные материалы Специальной комиссии Н.Н.Бурденко по установлению и расследованию обстоятельств расстрела пленных поляков под Катынью, подтверждающих в этом вину немцев. Прежде чем их передать, Ю.В.Покровский огласил основные выводы судебно-медицинской экспертизы, что нашло полное отражение в стенограмме трибунала.

Через некоторое время защитник Геринга адвокат Штамер, дабы поставить под сомнение катынский эпизод обвинения, используя правовую казуистику, заявил ходатайство о проведении судебного расследования. Трибунал согласился с ним и решил допросить по 3 свидетеля как со стороны защиты, так и со стороны обвинения. Это право суда, и делать какие-либо далеко идущие выводы из этого решения нельзя.

Советское обвинение представляли юристы высочайшей квалификации, однако и они могли допускать некоторые процессуальные ошибки, неточности, серьезно не влияющие на конечный результат процесса.

Мы не случайно отметили ранее, что судебное следствие по катынскому эпизоду только усилило обвинение. И здесь важно обратить внимание уже на

окончание процесса, на защитительные речи того же Штамера, других адвокатов обвиняемых, в которых никто из них не поставил под сомнение вину немцев в расстреле поляков под Катынью и не потребовал исключения этого эпизода из обвинения [1].

Поэтому заявления о «провале усилий советских обвинителей» — просто нечестная игра и очередная попытка скрыть правду от народа.

Корни же большой лжи уходят в 1940-е гг., и ее автором является ни кто-нибудь, а рейхсминистр пропаганды фашистской Германии Геббельс (не случайно поэтому так называемое «Катынское дело» с самого начала своего возникновения получило название «Геббельсовской провокации»).

Действительно, 13.04.1943 Геббельс объявил, что под Катынью недалеко от Смоленска немцы «неожиданно» обнаружили большое захоронение польских военнопленных, «расстрелянных НКВД СССР весной 1940 года». С его заявлением тут же согласилось польское правительство, находившееся в изгнании в Великобритании и пытавшееся опровергнуть на Нюрнбергском процессе обвинение СССР по расстрелу немцами поляков под Катынью. Тогда Советский Союз вынужден был разорвать с ним всякие отношения.

Геббельс на захоронениях поляков разыграл целый спектакль, стремясь поссорить между собой лидеров антигитлеровской коалиции, а солдатам вермахта внушить страх перед советским пленом. Что касается польского эмигрантского правительства, то оно не могло простить СССР возвращения им в сентябре 1939 г. своих территорий Западной Белоруссии и Западной Украины.

Этот дух реваншизма до сих пор остался во многих головах современных «ясновельможных панов». Например, в этом году в Польше определенные силы намерены широко отметить 90-летие Рижского договора, по которому молодая Советская Россия,

Советское обвинение представляли юристы высочайшей квалификации, однако и они могли допускать некоторые процессуальные ошибки, неточности, серьезно не влияющие на конечный результат процесса

опасаясь второго на нее похода Антанты, вынуждена была временно отдать шляхте Западную Белоруссию и Западную Украину.

Несомненно и другое — поляки, разыгрывая катынскую трагедию, рассчитывают получить и материальную, финансовую выгоду для себя, выдвигая постоянные претензии к России.

Международный военный трибунал был учрежден союзниками по антигитлеровской коалиции в 1945 г. и, в первую очередь, по настоянию И.Сталина, ибо премьер-министр Англии

У.Черчилль предлагал казнить лидеров третьего рейха и их пособников без всякого суда за то, что они развязали чудовищную, истребительную войну, унесшую 50 млн человеческих жизней. Однако советский руководитель, поддержанный президентом США Рузвельтом, и в этот раз оказался дальновидней других политиков. Сначала Нюрнбергский, а потом и Токийский процессы юридически закрепили итоги Второй мировой войны, заложили новые принципы послевоенного международного гуманитарного и уголовного права.

Впервые в истории человечества трибунал определил наказания за преступления против мира, выразившиеся в планировании, подготовке, развязывании или ведении агрессивной войны или войн, за военные преступления, связанные с нарушением законов или обычаев войны, а также за преступления против человечества.

Наряду с определением вины конкретных физических лиц трибунал признал преступными главные нацистские организации, являвшиеся неотъемлемой частью государственного механизма военных преступлений и преступлений против мира и человечества, как, например, руководящий состав нацистской партии, СС, СД.

В ходе процесса были исследованы показания свидетелей, документы, экспертные заключения. Количество этих показаний и документов было колоссальным: они измерялись тысячами. Помимо устных показаний были обобщены 38 тыс. письменных показаний в отношении политических руководителей, подписанные 155 тыс. свидетелями, 136 213 показаний — по делу против СС, 10 тыс. — по делу против СД, 3 тыс. — по делу против генштаба и 2 тыс. — по делу против гестапо.

Применительно к Катынской трагедии для нас представляет наибольший интерес раздел приговора трибунала, связанный с военными преступлениями. Согласно ст. 6, п. «б» Устава Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран «Оси»*, принятого в Лондоне 08.08.1945, военные преступления определялись как нарушения законов и обычаев войны. К этим нарушениям относятся убийства, истязания или увод в рабство или для других целей гражданского населения оккупированной территории; убийства или истязания военнопленных или лиц, находящихся в море; убийства заложников; ограбление общественной или частной собственности; бессмысленное разрушение городов или деревень; разорение, не оправданное военной необходимостью, и другие преступления.

*Страны нацистского блока (страны «Оси», по термину «Ось (Европы) Берлин—Рим», также «ось Рим — Берлин — Токио», гитлеровская коалиция) — военный союз Германии, Италии, Японии и других государств, противостоявший во время Второй мировой войны странам антигитлеровской коалиции.

Общеизвестно, что США, СССР, Великобритания и Франция выдвинули против гитлеровцев согласованное и единое обвинение, в том числе по военным преступлениям. В нем утверждалось, что фашисты: «...убивали и жестоко обращались с военнопленными, лишая их необходимой пищи, жилья, одежды, медицинского ухода, заставляя их работать в нечеловеческих условиях, пытая их, подвергая их нечеловеческим унижениям и затем умерщвляя их...».

Важно отметить, что обвинители, дав согласованную оценку преступлений, совершенных в отношении военнопленных и других военнослужащих, далее приведут 18 эпизодов «...в качестве примера и без ущерба для представления доказательств в других случаях...». Еще раз обращаем внимание на формулировку «...в качестве примера...» всего большего обвинения.

По западным странам таких конкретных фактов расправ было приведено 11, по восточным — 7, включая эпизод истребления советских военнопленных в Орле, 11 тыс. польских военнопленных в Катынском лесу, десятков тысяч советских военнопленных в Славуте, французов, воевавших вместе с Советской Армией.

По расстрелу немцами польских пленных осенью 1941 г. советское обвинение представило трибуналу неопровержимые доказательства, хотя и были некоторые шероховатости в их предъявлении, не влияющие на суть обвинения гитлеровцев. Без них вряд ли обходится какой-либо судебный процесс вообще. К тому же надо учитывать и то, что Нюрнбергский трибунал завершал свою деятельность в условиях начатой Западом «холодной войны» против СССР.

Доказательственная база в основном строилась на результатах работы упоминавшейся комиссии Н.Н.Бурденко по эксгумации и исследованию трупов поляков, проведенной в конце 1943 — начале 1944 г. в урочище Козьи Горы под Катынью, документы которой, опять напомним, суд приобщил к материалам дела.

Комиссия пришла к однозначному выводу, что поляки были расстреляны осенью 1941 г. немецкими пулями из немецкого оружия. При этом гильзы немецкого производства были найдены в местах расстрела. В одежде и на трупах были найдены письма, квитанции и иные документы периода второй половины 1940-1941 г., явно перечеркивавших геббельсовскую ложь о расстреле поляков весной 1940 г. Дополнительным важным опровержением лжи было и состояние эксгумированных трупов.

Однако нынешние сторонники геббельсовской версии о расстреле польских пленных органами НКВД СССР заявляют, что факт использования немецкого оружия не был признан судом, определяющим для установления вины той или иной стороны.

Опять постыдная уловка фальсификаторов истории. Ведь сами авторы утверждения так и не назвали, когда и при каких обстоятельствах суд сделал

такое «признание». Поэтому вновь возвращаемся к приговору и материалам военного трибунала и ответственно заявляем, что в них нет не только этого утверждения, но и чего-то близкого к нему.

Однако фальсификации на этом не закончились. Вот что утверждает последовательная сторонница геббельсовской версии расстрела поляков под Катыню Н.Лебедева: «Из архивных документов явствует, что в сентябре 1939 г. были взяты в плен 126 тыс. польских военнослужащих, из них 42,4 тыс. уроженцев Западной Белоруссии и Западной Украины распущены по домам, 43 тыс. жителей центральных областей Польши переданы немцам, 25 тыс. человек вступили в 1941 г. в армию Андерса. Однако 15 тыс. офицеров и полицейских,

Никаких документов о расстреле пленных поляков, равно как и судебно-правового решения о вынесении смертного приговора, не найдено. А это значит, что их просто не существует, и поляков СССР не расстреливал

сосредоточенных в Козельском, Старобельском и Осташковском лагерях, среди этих групп людей не оказалось. В 1943 г. 4200 человек из Козельского лагеря обнаружены в катыньских могилах (данные взяты из немецких документов эксгумации — *Авт.*). Сегодня архивные документы позволяют буквально по дням восстановить судьбу этих людей, хотя целый ряд моментов еще требует уточнения...». А коли так, то, как утверждает Н.Лебедева, все это «... доказывает несостоятельность...» версии комиссии Н.Н.Бурденко [2].

Поражает удивительная легкость, с которой делаются такие сокрушительные выводы, тем более со ссылкой на геббельсовские документы, что само по себе уже недостойно и недопустимо. К тому же сам факт перемещения военнопленных не может свидетельствовать о причастности НКВД СССР к уничтожению поляков. Если есть документы на их этапирование, то почему нет сообщений, докладов, рапортов о расстреле поляков? Они, несомненно, были бы, если НКВД произвел расстрелы. В этой организации фиксировалось и оформлялось все до мельчайшего шага.

Однако никаких документов о расстреле пленных поляков, равно как и судебно-правового решения о вынесении смертного приговора, несмотря на все старания наследников Геббельса, повторим, — не найдено. А это значит, что их просто не существует, и поляков СССР не расстреливал.

По предложению советского обвинения трибунал допросил Главного судебного эксперта СССР Прозоровского, участвовавшего в исследованиях трупов поляков в 1943-1944 гг., бывшего заместителя бур-

гомистра г. Смоленска Базилевского и болгарского профессора судебной экспертизы Марко Маркова.

Надо отметить, что Прозоровский был более чем убедителен в своих высказываниях по убийству немцами поляков осенью 1941 г. Он сослался на использование немецкими палачами того же способа — пистолетного выстрела в затылок, который применялся ими при массовых убийствах советских граждан в других городах, в частности в Орле, Воронеже, Краснодаре и в том же Смоленске. Это будет подтверждено в последующем и другими материалами трибунала.

Прозоровский сослался и на то, что на трупах поляков были найдены письма и квитанции, датированные 12.09.1940 и 28.11.1940, 06.04.1940 и 20.06.1941. Все это говорило за то, что поляки были живы и после весны 1940 г.

Он же представил доказательства о расстреле польских военнопленных из немецкого оружия с использованием немецких боеприпасов (пулями, выпущенными из немецкого револьвера) фирмы «Геко» калибра 7,65 мм и доказательства того, что руки у многих жертв были связаны бумажным шпагатом, который до 1946 г. изготавливался только за границей, в частности, в Германии.

В ходе допроса свидетеля Прозоровского помощником главного советского обвинителя Л.Н.Смирновым была представлена немецкая переписка по Катыни, включая телеграмму, посланную 03.05.1943 из Варшавы Хайнрихом (чиновником местного управления внутренней администрации) Вайрауху (Старшему советнику Правительства генерал-губернаторства) о найденных в Катыни представителями Польского красного креста гильзах немецкого производства фирмы «Геко» («Geco») калибра 7,65 мм, свидетельствующих о том, что расстрел производился из немецкого оружия (документ СССР-507). Иными словами, прямо указывающих на то, что поляков расстреляли немцы.

Надо отметить, что телеграмма советскому обвинению была представлена американцами, которые, к сожалению, во времена «холодной войны» стали «проводниками» польско-геббельсовской версии «Катынского дела».

Советское обвинение располагало показаниями начальника лагеря НКВД особого назначения Ф.М.Ветошинкова, который за несколько часов до оккупации немцами Смоленска прибыл в город и просил выделить ему 75 вагонов для вывоза поляков вглубь страны. Вагонов ему не выдали из-за сложности положения, а сам он уже не смог вернуться в лагерь.

Показания дали О.Михайлова, З.Конаховская, А.Алексеева, работавшие под принуждением осенью 1941 г. на кухне столовой 537-го немецкого полка, оккупировавшего район Катыни под Смоленском. Они пояснили, что были очевидцами доставки в это

место пленных поляков и расстрела их немцами. После каждого расстрела фашисты шли в баню, а потом в столовой им выдавалось усиленное питание и двойные порции спиртного.

Бывший заместитель бургомистра г. Смоленска профессор астрономии Борис Базилевский свидетельствовал, что непосредственно от бургомистра Меньшагина и сотрудников немецкой комендатуры он получил информацию об уничтожении немецким командованием польских военнопленных под Катынью осенью 1941 г.

Что касается доктора, профессора медицины Марка Маркова, то он участвовал в комиссии иностранцев-медиков, собранных Геббельсом в начале 1943 г. для исследования трупов поляков под Катынью. Из его показаний следует, что он под принуждением был включен в геббельсовскую комиссию, под принуждением подписал акт эксгумации поляков под Катынью, который противоречил фактическим обстоятельствам и его личным выводам.

В приговоре Нюрнбергского военного трибунала отмечено: «Доказательства относительно военных

преступлений были колоссальными по объему и очень подробными. Невозможно в рамках данного приговора соответствующим образом вновь рассмотреть их или перечислить массу документальных и устных доказательств, которые были представлены на Суде... Остается истиной, что военные преступления совершались в таком широком масштабе, которого не знала история войн. Они совершались во всех странах, оккупированных Германией...».

Важно отметить, что в приговоре в подтверждение всего обвинения по военным преступлениям суд сослался лишь на один эпизод из совместно выдвинутого союзниками обвинения. И здесь характерна формулировка приговора. «Так, например, американская военная миссия, которая высадилась за германской линией фронта на Балканах в январе 1945 г., насчитывающая от 12 до 15 человек, одетых в военную форму, ... все они были расстреляны». Мы обращаем внимание именно на формулировку «...так, например...».

Означает ли это, что другие семнадцать — из 18 представленных — конкретных примеров рас-

Большая Палата Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) расширила понятие военных преступлений, введенных Уставом Международного военного трибунала (Нюрнбергского): согласно ст. 6 этого Устава под понятие военных преступников для целей данного Трибунала подпадают преступники стран Оси (European Axis). Данный Устав — как и другие документы Нюрнбергского МВТ — не касаются лиц, воевавших в странах антигитлеровской коалиции, в том числе совершивших преступления. Представляется обоснованным в связи с этим мнение..., что данные преступления не являются военными, но лишь уголовными, как и другие преступления, совершаемые в ходе военных действий, в том числе освободительного и правомерного характера. По сути принципы Нюрнбергского процесса были задним числом расширительно истолкованы и распространены Большой Палатой на дело заявителя, при том, что в Постановлении Большой Палаты не приводится ни одного примера, когда эти принципы применялись бы к военным стран антигитлеровской коалиции, совершившим преступления в ходе боевых операций или в тылу врага.<...>

Оценивая нормы международного права, действовавшие на момент совершения заявителем указанных действий, Большая Палата истолковывала их, исходя из современных стандартов и принципов, не учитывая совершенно иной правовой и гуманитарный контекст, существовавший в 1944 г. (равно как и после войны) в мировом пространстве. Так, в Постановлении от 17.05.2010 Большая Палата ссылается на дело «USA vs. Wilhelm List et al.» (“The Hostages Case”), принятое в 1947 г. на основе «Allied Control Council Law No. 10 — Punishment of War Crimes, Crimes against Peace and against Humanity» (“Control Council Law No. 10”). Это один из 12 судебных процессов, проводившихся в рамках Нюрнбергского процесса, но не Международным военным трибуналом, а американскими военными судами. В «Деле заложников» («The Hostages Case») суд признал, в частности, что практика захвата немецкими военными заложников из числа мирного населения с целью предотвратить террористические акции со стороны партизан и иных сил сопротивления, и последующее убийство этих заложников в случае совершения таких акций — при условии соблюдения требований процедуры и соразмерности убитых военных и убитых заложников — не противоречила действовавшим на тот момент нормам международного права, какими бы варварскими и средневековыми они ни казались. В указанном деле с обвиняемых сняли также ответственность за убийство партизан — поскольку

последние не могли рассматриваться как лица, воюющие на законном основании (lawful belligerents), в силу нарушения ими основополагающих правил ведения боевых действий. Соответственно, еще в 1947 г. подход к принципам и нормам международного права, регулирующим обычаи военного времени, был совершенно иным, чем в 2010 г. Поэтому вывод Большой Палаты о том, что убийство жителей — даже если они были коллаборационистами, выдавшими другой отряд партизан немцам, — в любом случае составляло военное преступление — отталкивается от существующих в настоящее время, но не в 1944 г., подходов международного права к существу военных преступлений.<...>

Рассматриваемое решение ЕСПЧ не учитывает основополагающие принципы уголовной ответственности, выраженные как в современном международном праве и имплементированные в конституционный правовой порядок, в том числе в России. Прежде всего это общепризнанный фундаментальный принцип уголовной ответственности — «*nullum crimen, nulla poena sine lege*» (нет преступления и нет наказания без указания на то в законе) и связанный с ним запрет обратной силы уголовного закона, устанавливающего или отягчающего уголовную ответственность. ЕСПЧ, допуская обратную силу таких норм, фактически возвращает нас к средневековой и тоталитарной практике объективного вменения и, значит, привлечения к ответственности в тех случаях, когда обвиняемый просто не мог считать свои действия противоправными.

Уравнивая военнослужащих стран антигитлеровской коалиции с военными преступниками, осужденными Нюрнбергским и другими трибуналами, рассматриваемое решение Большой Палаты ЕСПЧ по делу «Кононов против Латвии» имеет далеко идущие политико-правовые последствия. Оно свидетельствует о попытке подмены исторического контекста оценки тех или иных событий и действий под влиянием сиюминутной политической конъюнктуры. Данное решение означает ревизию правовых результатов Второй мировой войны. По сути оно является пересмотром того международного консенсуса между государствами, который сложился по итогам войны. Такой пересмотр не может вершиться по воле ЕСПЧ.

Из доклада Председателя Конституционного Суда РФ В.Д.Зорькина на XIII Международном Форуме по конституционному правосудию «Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод в XXI веке: проблемы и перспективы применения» (СПб., 18-20.11.2010)

стрела или издевательств над военнопленными союзных держав также не являются доказанными? — Конечно, нет.

В этой связи совершенно правомерной и юридически корректной является оценка, данная «Катынскому делу» в Большой советской энциклопедии (статья «Катынский расстрел»): «В 1945-1946 гг. Международный военный трибунал в Нюрнберге признал Геринга и других главных немецких военных преступников виновными в проведении политики истребления польского народа и, в частности, в расстреле польских военнопленных в Катынском лесу».

Признавая гитлеровцев виновными в военных преступлениях, Нюрнбергский процесс проявил величайшую мудрость и справедливость. Он не свел преступную деятельность фашистов только к 18 эпизодам, заявленным перед ним в качестве примера обвинителями антигитлеровской коалиции. Военных преступлений было гораздо больше, они совершались по всем линиям фронтов, во всех лагерях военнопленных.

Внимательное прочтение приговора позволяет сделать и еще один неоспоримый вывод. В нем содержатся подробные описания уничтожения военнопленных, которые были использованы фашистами и под Катыню.

Например, приказом гестапо от 17.07.1941 предписывалось: «...казни не должны иметь место в самом лагере или в непосредственной близости от него. Если возможно, заключенные должны быть вывезены для применения к ним «специального обращения» на территории бывшей советской России». Приказ в полной мере определил место расстрела военнопленных. Лагеря, в которых содержались пленники, расположены в нескольких километрах от местечка Катынь, где и производились их расстрелы, что полностью соответствует «приказу». Об этом подробно, как уже и отмечалось, сообщили свидетели Михайлова, Кохановская, Алексеева.

Один из руководителей гестапо Курт Миндов, будучи допрошенным под присягой, подтвердил, что «в лагерях для военнопленных на восточном фронте существовали небольшие оперативные команды, айнзацкоманды, возглавлявшиеся младшим офицерским составом тайной полиции (гестапо). Эти команды были приданы начальникам лагерей, и их обязанностью было выделять тех военнопленных, которые являлись кандидатами на казнь...».

Приговором трибунала установлен и механизм уничтожения военнопленных: «...их должны были убивать выстрелом в затылок». Все это присутствовало и в катынской трагедии.

Считаем уместным процитировать и еще одну выдержку из приговора трибунала. Она достаточно убедительно раскрывает причины уничтожения немцами пленных поляков. Кейтель пояснил, что во время его нахождения 12.09.1939 в штабном поезде Гитлера тот заявил ему: «...польская интеллигенция,

дворянство и евреи должны быть ликвидированы..., нельзя допускать, чтобы интеллигенция могла стать руководящим классом, что жизненный уровень должен оставаться низким и что Польша будет использована только как источник принудительного труда». Кейтель признал, что «...такая политическая линия существовала...».

К этому остается добавить, что за время оккупации Польши гитлеровцы уничтожили 6 млн ее жителей, или 22% населения страны. Конечная цель геноцида состояла в ликвидации к 1950 г. всего польского народа. Поэтому уничтожение немецкими оккупантами в катынском лесу поляков было закономерным продолжением политики Гитлера по полной ликвидации образованного населения Польши.

Об этом подробные показания трибуналу дал Франк, бывший генерал-губернатор оккупированной польской территории. Еще в октябре 1939 г. он, провозглашая основные направления своей политики, заявил: «Польша должна рассматриваться как колония, поляки будут рабами Великой германской мировой империи».

Международным трибуналом виновными по делу № 3 «Военные преступления» кроме Геринга были признаны Риббентроп, Кейтель, Кальтенбрунер, Розенберг, Франк, Фрик, Функ, Денниц, Редер, Заукель, Йодль, Зейсс-Никварий, Шпеер, фон Нейрат, Борман (заочно).

Справедливое возмездие, суд истории состоялись. Однако достойно сожаления, что итоги Второй мировой войны подрываются не где-нибудь, а здесь в России. Это не может далее быть терпимым. Отрицание выводов Международного военного трибунала в Нюрнберге, любая попытка пересмотра его решений должны немедленно пресекаться, вплоть до применения мер уголовно-правового характера.

Поэтому ноябрьское Заявление Государственной Думы по Катынскому делу выглядит не только шокирующим, но подлежащим суровому осуждению.

1. ГАРФ. Фонд № 21. Опись № 1. Дело № 2329.
2. Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в 8 тт. М., 1990. Т. 4. С. 85.

“Katyn’ case” on the Nuremberg process. Once again about history lessons

V.I. Iljukhin, Doctor of Law, Professor
A.Ju. Plotnikov, Doctor of History, Professor

The authors furnish proofs concerning tragedy in Katyn’ in 1940-1941 refuting the statement of the State Duma of the Russian Federation on this theme, accepted by the end of 2010.

Key Words: Nuremberg process, military court, Katyn’ issue, falsification, Second World War

Correspondence address: ilukhin@duma.gov.ru